

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН (ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И СТАРОЖИЛЫ НА АЛТАЕ В 1880-х гг.)

Рассматриваются причины поземельных конфликтов между русскими крестьянами-переселенцами и крестьянами-старожилами в контексте влияния на них традиционного права, которое практически не учитывалось официальным законодательством.

Ключевые слова: Сибирь; крестьяне; поземельные конфликты.

В советской историографии вопросу переселения крестьян из центральных губерний Европейской России в Сибирь было уделено значительное внимание. В исследованиях отмечалось, что рост переселения привел к проблемам в крестьянском землепользовании, причем вся вина, согласно идеологическим установкам того времени, возлагалась на царизм. Однако вопрос влияния переселения на земельные отношения не нашел окончательного решения, в частности, было слабо изучено влияние крестьянского менталитета на область земельных отношений, которые характеризуются острыми социальными конфликтами.

В первой половине XIX в. правительство несколько раз приступало к решению вопроса переселенческой политики, которая строилась не только на серии указов, положительно решавших вопрос, но и на распоряжениях, которые ставили вне закона самовольные переселения [1. Л. 28]. Вопреки желанию правительства наряду с легальными переселенцами за Урал шли и «самовольцы». Несмотря на то, что переселяться без разрешения запрещалось, власти были вынуждены регистрировать целые деревни самовольных переселенцев [2. Л. 78].

После отмены крепостного права бывшие помещицы крестьяне примкнули к переселенческому движению [3. С. 7]. Следует отметить, что главным фактором, толкающим крестьян на переселение, было нарастающее малоземелье в центральных губерниях [4. Л. 1]. Такое положение было следствием реформы 1861 г., когда по многим причинам, «в особенности финансовым, размер крестьянских наделов должен был ограничиться усадьбою и количеством десятин, едва ли достаточным для прокормления владельцев, уплаты повинностей и удовлетворения самых насущных потребностей» [5. С. 3]. Однако на практике получить разрешение на легальное переселение было трудно, т.к. Положение 19 февраля 1861 г. вовсе не упоминало о переселении как о возможности для всех и каждого устроиться на свободных казенных землях. Общее умолчание было следствием «неблагоприятного для переселенческого движения мнения, что при развитии переселения трудность добывать рабочих еще усилится, а землевладельцы потеряют съемщиков своих земель и это лишит их единственной оставшейся в их руках верной статьи дохода» [6. С. 5]. Несмотря на рост малоземелья в губерниях Европейской России переселение не поощрялось, что не находило понимания среди широких слоев общества. Газета «Восточное обозрение», которая отражала интересы сибирской общественности, писала: «В то время, когда у нас пустуют сотни тысяч десятин хлебопашенной земли в Сибири, крестьяне наши ищут для себя куска хлеба за океаном в Бра-

зилии и Америке» [7. С. 68]. Правительство декларировало, что переселяться должны только крепкие домохозяева, а семьям маломощным разрешение на переселение не выдавалось. Политика ограничений на переселение диктовалась как боязнью потери дешевых рабочих рук помещиками, так и опасением, что у крестьян могут возникнуть «несбыточные ожидания общего дополнительного наделения их землей». Ограничения на легальные переселения противоречили объективному колониционному процессу и повлекли за собой быстрый рост самовольных переселений. Маломощные семьи, наслышавшись рассказов о привольной и богатой жизни в Сибири, шли туда без разрешения, на свой страх и риск [8. С. 47]. Тем не менее пореформенное время характеризуется тем, что Зауралье перестает рассматриваться правительством исключительно как место ссылки уголовников и политически неблагонадежных. Подавляющая часть ссыльных направлялась в Сибирь по приговорам сельских обществ «за порочное поведение». Предполагалось, что ссыльные будут заниматься сельским хозяйством, однако основная их часть составляла контингент бродяг, наносивших существенный ущерб местным жителям и дававших основную часть рецидивной преступности. Прекращение уголовной ссылки в Сибирь на основании закона от 12 июня 1900 г. избавило регион от массового наплыва уголовного элемента. Правительство сделало ставку на крестьянскую колонизацию, но ссылка «политических» продолжалась вплоть до февраля 1917 г. [9. С. 166–169]. Однако в 1860–1870 гг. центральные власти не рассматривали Западную Сибирь как объект для массовых крестьянских переселений, о чем свидетельствует практически полное отсутствие узаконений и распоряжений о переселениях [10. С. 476].

В центральной печати практически не было публикаций на сибирскую тематику. Вероятно, сибирская действительность не притягивала внимание публицистов потому, что Сибирь мало коснулись реформаторские преобразования 1860–1870 гг.: на регион не были распространены ни земская, ни судебная реформы, а крестьянская реформа крайне незначительно изменила образ жизни сельского населения края. Здесь не было острых социальных потрясений и Сибирь еще не являлась сферой приоритетных социально-экономических и геополитических интересов правительства. В «Записках колонизатора Сибири» образно освещаются представления о Сибири: «...на нашей памяти то недалекое время 80-х годов прошлого столетия, когда публика с ужасом говорила о Сибири, как о страшном и далеком месте ссылки... Муромские леса казались благоустроенными парками для прогулки в сравнении с «дремучей тайгой» [11. С. 7].

В. Дашкевич, писавший о переселении в Сибирь, отмечал, что «мало кто в народе знает правду про Сибирь. Это непременно надо знать всякому, кто по какой-либо причине задумал переселиться в Сибирь. Если он будет заранее знать настоящую правду, то ему легче будет решить вопрос: ехать туда или нет» [8. С. 2]. Четкого представления о действительной жизни в Сибири не имели и переселенцы, уже находящиеся в пути. От них «приходилось слышать самые разноречивые отзывы о том, как живут сибирские крестьяне. Одни говорят, что в Сибири вовсе неизвестна та нужда, которую наши исследователи наблюдают в обширных полосах Европейской России; другие, напротив, утверждают, что в сибирских деревнях очень много нужды...» [12. С. 63].

Неизвестная крестьянам, но влекущая их территория идеализировалась, «сказочные клады залегли в ней почти на каждом шагу; здоровый климат, плодородная почва, дремучие леса, исполинские реки – все соединилось там для обогащения человека» [13. С. 175]. Порождались слухи, что «у кого была пара лошадей, тому пара и там, у кого корова – и там корова» и др. [14. С. 219]. Причем в слухах «о новых местах» царь представлялся как инициатор крестьянской колонизации, у которого в «Сибири земли много» и он может для переселенцев «растворить амбар с деньгами», чтобы новоселы ни в чем не нуждались [15. С. 271].

Здесь особо необходимо отметить, что в крестьянской среде господствовали патерналистские иллюзии, крестьяне свято верили в то, что государство, раз оно разрешило переселения, не за что не бросит их на произвол судьбы. Крестьяне *верили в то, во что хотели верить*, и сказочные слухи об изобильной Сибири находили отклик в их сердцах, а достоверная информация ими не воспринималась.

Мысль о свободных землях в Сибири выходила на первый план при формировании образа региона: крестьян при принятии решения о переселении уже не оставляли ни сведения о сибирских морозах, ни весьма смутные и противоречивые представления об этническом и социальном составе населения в местах переселения. Они, несмотря на то, что справочные издания для переселенцев предупреждали: «Переселяться в незнакомую страну нужно очень осмотрительно и осторожно. Кто думает, что Сибирь – земной рай, тот легко может накликать на себя горе и зло» [16. С. 67], составляли свое представление о Сибири на основании слухов, которые базировались на утопических установках сознания человека традиционной культуры.

Наиболее благоприятные природно-климатические условия в Западной Сибири были на Алтае, но он был закрыт для переселений, и только в 1865 г. был принят закон «О водворении в Алтайском округе государственных крестьян» [17]. Согласно положениям этого закона переселенцы, если они поселялись непосредственно в селах, должны были получить приемный приговор от сельского общества старожилов. По закону старожилы не имели права требовать деньги с новоселов за разрешение поселиться в своем сельском обществе. Однако рост переселенческого движения привел к тому, что если в 1870-х – начале 1880-х гг. старожилы охотно принимали новоселов и за приемный приговор

брали ведро водки или редко 5–10 рублей с ревизской души [3. С. 160], то уже в конце 1880-х гг. приемные приговоры возросли в цене до 75, а иногда и до 100 руб., но чаще всего сибиряки просто отказывали переселенцам в приписке [18. С. 86].

Зажиточные старожилы, более чем кто-либо другой, извлекали выгоду из захватного способа землепользования, поэтому опасаясь земельного утеснения, неохотно выделяли землю новым членам сельских общин и устанавливали высокую плату за приемный приговор. Сельское общество, не заключая с переселенцем приемного договора и не препятствуя ему в обзаведении хозяйством, взимало с него так называемые «полевотки» – своеобразную арендную плату за общинную землю (от 40 до 50 коп. за десятину) и требовало за пастьбу скота от 5 до 25 коп. с каждой головы [19. С. 53]. Переселенцы отказывались платить деньги в сельское общество за пользование пашнями и сенокосами, полагая, что раз они обязаны платить в пользу Казны и Кабинета шестирублевый оброк, то старожилам они ничего не должны. Крестьяне-переселенцы, опираясь на традиционную хозяйственную культуру, руководствовались в своей жизни и деятельности трудовой ментальностью, которая требовала создавать материальное благополучие своим трудом [20. С. 13]. Это разное понимание своих прав и обязанностей служило основой подобных конфликтов. Так, когда самовольцы в селах Ермачихи Кулундинской волости и Верх-Ермачихи Космалинской волости отказались платить «полевотки», то старожилы просто разломали дома строптивых новоселов [21. Л. 9].

Старожилы изыскивали дополнительные возможности нажиться за счет переселенцев, и алчность превалировала над всем. Одним из наиболее распространенных приемов обмана переселенцев была продажа домов по завышенной цене с обещанием, что тот, кто их купит, будет причислен к сельскому обществу. Например, чиновник по крестьянским делам сообщал Томскому губернатору (1886 г.), что «из числа 78 семейств переселенцев, проживающих в данное время в д. Белокурихе, 47 семейств таковых приобрели дома покупкой у крестьян-старожилов, которые продают их и притом за значительно дорогую против действительной стоимости цену, в чем я лично неоднократно имел случай убеждаться, без сомнения, обнадеживали покупателей согласием принять их в свою среду» [22. Л. 7].

Разобраться в сложнейших отношениях переселенцев со старожилами может помочь анализ крестьянских прошений и принятых по ним сибирской администрацией решений. Например, 20 апреля 1883 г. старожилы с. Ново-Тырышкинского Алтайской волости Бийского уезда, расположенного на равнине черноземной земле, подали жалобу на имя Томского губернатора о притеснениях со стороны переселенцев из великорусских губерний. «Всех причисленных новоселов проживает более 200 одних работников, некоторые из них проживают в нашем селении до 10 и более лет, а остальные не более 3 лет. Новоселы, прибыв в наше селение и не испросив предварительно приемных приговоров на перечисление свое, самовольно и без всякого разрешения купили себе дома в соседних селениях, которые перевезли в с. Ново-Тырышкинское, построили

ли самовольно, захватив лучшие усадебные участки земли, а затем, обзаведясь прочною оседлостью, не стали уже заботиться о своем перечислении... Они, став считать себя старожилами, захватили наши лучшие хлебопахотные земли и общественные леса» [23. Л. 5].

Чиновники, не вникнув в суть поземельного спора, встали на сторону старожилов, о чем можно говорить с уверенностью, т.к. спустя всего лишь месяц с момента подачи жалобы 3 июня 1883 г. было выдано предписание за № 342, которое обязывало новоселов выехать из села в шестимесячный срок [23. Л. 4]. Объявить это решение должен был Бийский окружной исправник. Судя по поданному рапорту (№ 16400 от 21 июля 1883 г.), он постарался разобраться в сути конфликта непредвзято [23. Л. 3]. В частности, исправник указал на то обстоятельство, что переселенцы в с. Ново-Тырышкино поселились не самовольно, а с согласия общества. Доказательством этому служит продажа переселенцам старожилами своих домов. Причем в своей жалобе Ново-Тырышкинские старожилы лукавили, дома переселенцы купили не на стороне, а у местных жителей, которые, пользуясь случаем, решили нажиться.

Здесь возникает вопрос, почему обман с продажей домов новоселам был широко распространен? Дело в том, что в данном случае вступают в конфликт нормы обычного права и официальное законодательство. С точки зрения обычного права согласие сельского общества продать дом воспринималось новоселом как согласие на принятие его в данное общество. Русское обычное право представляло собой довольно стройное целое, базирующееся на немногих основных началах, и вполне удовлетворяло потребности создавшего его народа. К сожалению, обычное право не расценивалось должным образом как источник законодательства, именно поэтому на практике неизбежно возникали коллизии между нормой закона и нормой обычного права. В XIX в. обычное право определялось как бытовая форма права, не зависящая от закона в силу общего убеждения в ее необходимости и обязанности [24. С. 4]. Так, согласно закону (Временные правила о переселении крестьян от 10 июля 1881 г.) требовалось обязательное согласие местного сельского общества на причисление к нему новосела. Данное согласие принималось на сельском сходе и оформлялось письменно, это был приемный приговор. По этому документу новосел получал все права и обязанности наравне со старожилами места приписки. Приемный приговор служил для чиновников официальной бумагой, дающей право устанавливать подати, сборы и т.д.

Первые новоселы, купив дома и устроившись на месте, посчитали себя членами сельского общества и стали письмами вызывать на новое место жительства родственников и знакомых. Когда сибиряки-старожилы сообразили, что новоселов этих очень много, то решили вообще не выдавать приемные приговоры всем новоселам независимо от времени проживания в селе. Отказ в приемных приговорах объясняется страхом старожилов, что в будущем их ждет земельное утеснение.

В своем рапорте исправник отметил, что «земли, как можно судить из того, что в настоящее время и старожилы и новоселы с. Ново-Тырышкинского уживаются вместе и живут не только не бедно, а замечательно,

у них достаточно» [23. Л. 4]. Но при таком значительном изобилии плодородных земель, положившим начало зажиточности населения, наиболее достаточные крестьяне обратились к занятию скотоводством, предоставляющему большую выгоду по сравнению с хлебопашеством... Многие старожилы имеют по 100–200 голов скота, для прокормления которого требуются и раздолье пастбищных мест в летнее время и обширные сенокосы [23. Л. 70]. Чиновник совершенно верно определил суть поземельного спора и ответил на вопрос о достаточности 15-десятинного надела для сибирских крестьян. Все зависело от ориентации крестьянского хозяйства, преимущественно скотоводческое хозяйство требовало значительно большего по размеру земельного надела, чем при занятии земледелием. Что же касается непосредственно жалоб переселенцев и старожилов друг на друга, то было отмечено, что до 1880-х гг. старожилы, нуждаясь в дешевых рабочих руках, не только «...не тяготились принятием к себе на жительство переселенцев из внутренних губерний, но даже приглашали к себе на жительство. Первые переселенцы стали с 1868 г. оседать в этом селе беспрепятственно, пользуясь всеми полевыми угодьями... Наплыв переселенцев с 1880 г. значительно увеличился, и между старожилами возник вопрос о возможном, в непродолжительном времени последовать, в следствии увеличения населения, стеснения в сенокосных и пастбищных угодьях» [23. Л. 71].

Как видно из приведенных документов, уже в начале 1880-х гг. существовала острая необходимость по «приведению в известность» крестьянского землепользования. Обладающий полной информацией о действительном положении дел в поземельных отношениях председатель Томского губернского правления писал: «В действительности, несмотря на выдающиеся богатства края и изобилие земель, край этот вовсе не представляет того Эльдorado, к какому стремятся неимущие хлебопашцы ...к которому принадлежит громадное большинство переселенцев, не имеющих материальной возможности к извлечению тех выгод, какие служат основой благосостояния местных жителей. Дело в том, что несмотря на обширность территории Алтайского горного округа, *лучшие для хлебопашества земли* (здесь и далее курсив мой. – М.Д.), находящиеся в равнинах Барнаульского и Бийского уездов и в предгорьях Алтая, *давным-давно уже заняты* сибиряками-старожилами и ранее переселившимися крестьянами из внутренних губерний» [23. Л. 80].

Существовавшие повсеместно земельные споры между переселенцами и старожилами, количество которых возрастало прямо пропорционально увеличению переселений, требовали принятия неотложных решений со стороны властей. Однако бюрократический аппарат не спешил с разрешением земельных конфликтов, закон о землеустройстве был принят на Алтае только в 1899 г., но его реализация не уменьшила существовавшие в крестьянском землепользовании проблемы, т.к. нормы закона не учитывали существовавшее традиционное право по отношению к владению земельным участком. Проблема влияния крестьянского менталитета на земельные отношения требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 28. Д. 15.*
2. *ГАТО. Ф. 196. Оп. 9. Д. 113.*
3. *Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М., 1885.*
4. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 242. Д. 1087.*
5. *Мелкий земельный кредит. СПб., 1880.*
6. *Воцинин В. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912.*
7. *Сальникова Е.С. Газета «Восточное обозрение» о проблемах переселения в Сибирь в конце XIX в. // Байкальская историческая школа: проблема региональной истории. Иркутск, 1994.*
8. *Дашкевич В. Переселение в Сибирь. СПб., 1912.*
9. *Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: Социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004.*
10. *Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб., 1901. Вып. VIII.*
11. *Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903.*
12. *Исаев А. От Урала до Томска (из путевых заметок) // Вестник Европы. СПб., 1891. Т. V.*
13. *История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3.*
14. *Б-ъ В. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1887. № 10.*
15. *Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.*
16. *Рассказы о Западной Сибири или губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1898.*
17. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. СПб., 1868. Т. XLI, № 42353.*
18. *Томилова Н.К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.*
19. *Минжуренко А.В. Непричисленные переселенцы Сибири: конец XIX – начало XX в. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XX вв. Томск, 1978.*
20. *Менталитет и аграрное развитие России в XIX – XX веках. М., 1996.*
21. *ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д.34.*
22. *Там же. Оп. 44. Д. 20.*
23. *Там же. Д. 2.*
24. *Визбор К., Гейзель М. Пособие при изучении «Истории русского права». Одесса, 1898.*

Статья представлена научной редакцией «История» 13 февраля 2009 г.